

XXIX

Воскресенье 21 мая

Последнее заседание было очень бурным. Явились три члена меньшинства и заявили, что они требуют беспощадной войны с врагом и отказываются от своего решения не появляться в ратуше, раз народ мог подумать, что их недовольство Комитетом общественного спасения было только предлогом, чтобы избежать кровавой ответственности.

Да, лучше погибнуть под знаменем, сшитым из лохмотьев 93-го года, лучше принять обновленную допотопную диктатуру, казавшуюся нам оскорблением новой революции, – все лучше, чем дать повод думать, будто покидаешь поле битвы.

И мир заключен; его заключили на словах под звуки страшного взрыва, от которого вдруг задрожали стекла и громко забились сердца. Он раздался совсем неожиданно и прозвучал грозно и зловеще.

Рука об руку, товарищи!

Сегодня заседание еще более торжественно.

Чтобы закрепить вчерашнее примирение, выбрали председателем Вентра, того, чья газета с самого начала борьбы была органом диссидентов.

И даже те из меньшинства, кто, подобно Тридону, решили не приходить, оставаясь во что бы то ни стало верными принятой резолюции, даже они на этот раз на своих местах, потому что в декларации, не одобренной предместьями, было сказано, что в тот день, когда придется судить кого-нибудь из наших, – утихнет всякая ненависть и все знамена объединятся, чтобы свершить правосудие во вновь переполненном народом зале Коммуны, превращенном в Верховный трибунал.

Должны ввести обвиняемого Кюзере[194].

Вот он. Сейчас решится его участь.

Что-то будут говорить?

Злоба улеглась, утихло недоверие.

Чувствуется, что дебаты окончатся оправданием, но пока что они протекают очень внушительно. Ораторы вдумчивы, аудитория безмолвна.

Вдруг открывается дверь, – та, через которую обычно входят члены Комитета общественного спасения, – и появляется Бильоре[195].

Он просит слова.

– После Вермореля, – отвечаю я.

– Я должен сделать собранию сообщение... чрезвычайной важности.

– Говорите!

В руках у него бумага, он читает ее.

Это депеша от Домбровского[196].

«Версальцы прорвались...»

Точно упала завеса молчания.

Это продолжалось столько времени, сколько требуется каждому, чтобы проститься с жизнью.

У меня было такое ощущение, будто вся кровь моя ушла в землю, а глаза расширились и заблестели на побледневшем лице.

Мне показалось, что я вижу где-то далеко-далеко странный и обезображенный силуэт себя самого, покрытого грязью.

Страх мучений здесь ни при чем, совсем ни при чем. Возмущается моя гордость: побежден! убит, не успев ничего сделать!

На одно мгновение эти мысли острой болью пронзили мне мозг.

Ты, Вентра, представитель Коммуны в момент ее агонии, – как возвестишь ты о ее смерти?

Выждав некоторое время, – ровно столько, чтобы показать, что мы не растерялись при известии о поражении и при первом призраке предстоящих пыток, – я, придав голосу уверенность и спокойствие, обращаюсь к Ключере:

– Обвиняемый, вам предоставляется последнее слово.

Я решил, что лучше всего закончить актом правосудия, показать, что забываешь об опасности, когда надо вынести приговор, от которого зависит жизнь и честь человека.

Кончено. – Оправдан.

Заседание закрыто.

Я иду к своей скамье и собираю разбросанные листки, на которых набросал первые строки своей завтрашней статьи.